

Анатолий Контуш

Ночью, во влажной темноте

В. К.

Когда я наконец вошел в лес, солнце уже садилось, и под широкими кронами деревьев было почти темно. Дождь пошел снова, и его мелкие теплые капли падали на мое лицо, стекая по щекам. Я знал, что в такое время она только просыпается, лениво потягиваясь в своем укрытии, и поэтому шел без опаски, не заботясь о том, что меня можно увидеть из зарослей.

Несмотря на вечер, жара все еще висела над джунглями, наполняя лес туманом. Тут было влажно, тепло и сумрачно; стволы деревьев были мокрыми, и по ним стекала густая теплая влага; с невидимых листьев срывались крупные капли и с шумом разбивались о грунт. Днем она обычно спит, видит сны, мечтает о чем-то в полудреме, зевает, чешется, приоткрывает глаза, вылизывает спящих рядом детей и снова засыпает. Она принадлежала к очень редкому виду, которого не видел никто, кроме меня, и мне все же нужно было быть осторожным, чтобы не спугнуть ее неловким движением.

Тропа повернула на юг и пошла вниз по склону; я поскользнулся на размокшей глине и упал, едва успев выставить руку, чтобы не измазаться с головы до ног; жидкая грязь осталась на рукаве, и мне пришлось вытереть его о сырую траву. Отсюда была видна широкая низина, от которой лес поднимался к горизонту по черной круче; высоко над деревьями в просвете между тучами висел Юпитер и совсем рядом с ним Сатурн; Марс уже должен был появиться на востоке, алея над чащей, но его скрывала от глаз

темная полоса. Я попробовал разглядеть галилеевы спутники в свой мощный бинокль, но его стекла запотели, и я бросил это занятие. Время приближалось к полуночи: она уже наверняка проснулась, выбралась наружу и пряталась где-то поближе к ручью. Я изучал ее давно, с каждым годом она интересовала меня все больше, и я не желал ей ничего плохого – напротив, я был готов сделать все для того, чтобы она и дальше была счастлива в лесу со своими детенышами.

Взошла луна, и в ее свете лес из серого, мрачного и плоского стал серебристым, живым и объемным; замысловатые сплетения лиан извивались вокруг, поблескивая каплями; папоротники стояли вдоль тропы мокрыми стенами, и я пробирался между ними, то и дело стряхивая воду с капюшона. Я знал, что если ее разозлить, она может напасть первой, изранить и даже загрызть насмерть: она не зла, но готова на все, если чувствует, что ее детенышам угрожает опасность. Она очень бережет своих детей, и это понятно, ведь таких, как она, больше нет и может не быть, если с детьми что-то случится. Я даже слышал, что она привязывается к тем, кто делает детям что-то хорошее, привязывается и платит взаимностью, но поверить в это трудно, ведь она все же дикая тварь.

Я спустился к ручью, журчавшему в низине, – от него тянуло сыростью, и блики лунного света переливались на волглых камнях – и, как обычно, оставил на берегу еду для нее и, отдельно, для ее детенышей. Дождь перестал, но воздух оставался таким влажным, что струйки пота, смешиваясь со струйками воды, непрерывно текли вниз по моей спине, рукам и ногам. Я снял ботинки, за ними носки, выжал их и снова надел, а потом проделал то же с рубашкой. После стольких лет поисков я, пожалуй, даже любил ее, хоть и видел всего однажды, много лет назад, когда еще мало что знал, и не успел ничего понять. Говорят, что у нее веселый нрав, хоть ее и считают тихоней, но это вряд ли, скорее она просто привыкла сдерживаться, скрывая то, что внутри. А еще говорят, что она любит чистоту и не любит шума, но это невозможно проверить.

Сквозь клочья тумана я видел освещенную луной тропу, которая блестела в ночи осклизлой спиной неведомого морского

животного. Теплый ветер покачивал намокшие листья кустов; невидимый водопад шумел в джунглях слева от тропы; золотоносый тукан слетел откуда-то с высоты, захлопал крыльями и сел на ветку передо мной. Я шагнул к нему и только успел заметить, как где-то среди кустов блеснули ее глаза. Крики попугаев доносились откуда-то сверху, но мне показалось, что даже они на мгновение умолкли, когда я зацепил какой-то сук, который с грохотом обрушился прямо к моим ногам. Я едва успел отскочить в сторону, и в эту секунду она внезапно прыгнула на меня из темноты. Я не успел испугаться, только подумав, что я же не сделал ей ничего плохого, как она уже обхватила меня своими гибкими лапами, которые неожиданно оказались мягкими, как подушки, приникла ко мне своей гладкой кожей, опутала своим маленьким крепким телом, приблизила свой влажный рот к моему и так нежно прикоснулась ко мне губами, что я понял, что умираю, – но только от счастья.

Потом все произошло очень быстро. Наутро ты собрала вещи, оставила мужа и переехала ко мне. Весь день мы носили ящики по узкой лестнице и раскладывали их содержимое, а потом спустились в кафе отметить твой переезд. Когда мы проходили мимо церкви, я потянул тебя за руку; ты взглянула на меня, но ничего не сказала; мы вошли и сели на скамью в стороне от прохода. Не отпуская твоей руки и глядя тебе в глаза, я сказал:

- Повторяй за мной: я буду любить тебя всю жизнь.
- Я буду любить тебя всю жизнь.
- Я никогда не изменю тебе.
- Я никогда не изменю тебе.
- Я буду всегда думать о тебе.
- Я буду всегда думать о тебе.

Я поцеловал тебя в губы, и ты вздрогнула, словно собиралась заплакать, но тут же улыбнулась, обняла меня и уткнулась щекой в грудь. Все еще держась за руки, мы вышли из церкви и пошли по залитой сентябрьским солнцем улице, забыв о кафе.

Я продал квартиру, развелся с женой, и мы купили крошечный домик в южном пригороде недалеко от реки. Нам так хотелось лучше узнать друг друга, что первые несколько лет мы провели или в постели, или в бесконечных разговорах о том, что было

с нами раньше. Мы бродили по улицам, сидели в ресторанах, забывали о времени перед потухшим камином и говорили, говорили, говорили. В одну из весен ты посадила сад на крыше, и он стремительно разросся до таких размеров, что еще много лет нам приходилось обрезать все кусты два раза в год. Мы ходили в театры, на выставки и в музеи, гуляли по городу от Венсена до Булонского леса и от Орлеанских ворот до Монмартра, ездили к океану в Бретань, Аркашон и Биарриц, катались на парходиках по Сене, Роне и Луаре, разбирались в тонкостях бургундских, прованских и бордосских вин. Два раза в год мы уезжали в горы – летом, чтобы гулять, и зимой, чтобы кататься на лыжах. Дети жили отдельно, но очень нас любили, и мы часто виделись друг у друга в Париже, Ницце, Лондоне и Одессе.

Мы прожили вместе все оставшееся у нас время, каждый день принося друг к другу ночью, во влажной темноте.

Берлин – Париж

